

Л.Чарская

Свои, не бойтесь!

I.

Все, казалось, оставалось по-старому. Дремали старые каштаны в главной аллее. Тихо роптал старинный, еще при прадедах поставленный здесь, фонтан. Белые мраморные статуи эффектно выделялись на тронутой пурпуром и багрянцем листве деревьев. Как заколдованная принцесса в сказке, спала глухая чаща старого помещичьего сада. А за тыном его золотились поля, убранные по-осеннему, со своей короткой гривкой вместо срезанного буйного колоса. Уходил в небо стрельчатый купол розового костела, вокруг которого ютились дома сельчан. Совсем по соседству с ними находился лес, угрюмый и таинственный в эту раннюю пору осени.

Когда панна Ванда вбегала на садовый холмик, что высился над тыном в дальней стороне сада, её молодые глаза сразу различили все далекое -- и людей в селении, и ребятишек на лесной опушке.

С тех пор как началась война с "москалями" и взяли в австрийские легионы обоих братьев Ванды, красавцев Юзика и Казимира, молоденькая панна из усадьбы Лесные Ключи каждое утро взбегала на зеленый холм у тына и, заслонив глаза от солнца, долгими часами глядела на дорогу, в надежде увидеть хоть случайно проходящие мимо войсковые части, откуда можно было бы почерпнуть сведения об ушедших.

От Казимира и Юзефа Картовецких давно не было известий -- с самой той поры, как позвали их на мобилизацию в Краков. Правда, была открытка с приветствием, присланная с дороги, но то еще до боя. Старая мать, вдова, пани Картовецкая, все глаза выплакала по своим любимцам. Поневоле и сердечко Ванды било тревогу. Какое жуткое время приходилось переживать!

II.

Был день рожденья панны Ванды. К утру смуглая Ануся принесла ей гладко выглаженное швейцарское платье, воздушное и легкое, как сон, расчесала и спустила две тяжелые косы вдоль стана, и стала молоденькая Ванда похожей на Мадонну в этом странном белом наряде. Утром она ездила в костел исповедаться и приобщиться святых тайн у пана ксендза, а также помолиться за Юзика, за Казю, за всех, кто сражался. Она жарко молилась в это утро и плакала горько, тяжело, несмотря на то, что был день её рождения, всегда радостный, веселый, приятный. Увы! Теперь не было радости и веселья у молоденькой панны Ванды и, минутами отрываясь от своего горестного настроения, она вспоминала недавнее прошлое.

Так ли праздновали день её рожденья в прежние, счастливые годы? Тогда гремела музыка (приглашали из Львова военный оркестр), плясали краковяк и мазурку до самого солнечного восхода. Шампанское лилось рекой. Молодые пани и паненки, жены и дочери соседних помещиков, лихо постукивали высокими каблучками в такт бряцания шпор своих кавалеров.

А теперь где они, эти кавалеры? Все на войне, воюют с москалями, поливая кровью своей каждую пядь земли. Вон, говорят, русские побеждают все время. А насколько это правда, здесь даже и не знают. Все газеты только и заняты прославлением подвигов славного австрийского воинства, разбивающего врага на каждом шагу. На деле же слышно совсем иначе: австрийцы отступают, а москальи преследуют их чуть ли не по пятам.

III.